

Проф. М. Лазерсонъ. Общая теорія права. Введеніе въ изученіе права. Рига, 1930.

Книга проф. Лазерсона сложилась изъ лекцій, читанныхъ имъ въ теченіе ряда лѣтъ въ разныхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Нельзя не порадоваться тому, что, несмотря на «неблагопріятныя условія академической работы», которыя, какъ подчеркиваетъ со скромностью авторъ, «не позволили ему остановиться на «затрагиваемыхъ вопросахъ со всей полнотой», эта полезная и весьма интересная книга все же увидѣла свѣтъ. «Предназначенно, главнымъ образомъ, для учебныхъ и самообразовательныхъ цѣлей» руководство Лазерсона можетъ сослужить хорошую службу для русскаго зарубежнаго студенчества, напоминая ему о достиженияхъ русскаго юридической мысли; эти достижения часто теперь недооцѣниваются или просто игнорируются, хотя они находились на очень высокомъ уровнѣ, способномъ конкурировать съ западно-европейскимъ.

Лазерсонъ является вѣрнымъ ученикомъ и послѣдователемъ крупнейшаго русскаго теоретика права проф. Л. І. Петражицкаго, истинное значеніе котораго выступаетъ лишь на фонѣ современныхъ сдвиговъ и переломовъ въ наукѣ права; въ частности, благодаря полному отходу отъ пережитковъ государственной теоріи права и старой теоріи суверенитета, сопровождаемому попытками не нормативнаго, а онтологическаго обоснованія правовой сферы. Проф. Лазерсонъ, несмотря на свое стремленіе «закрѣпить» въ своей книгѣ «то, что характеризуетъ нынѣшнюю эпоху величайшихъ преобразованій въ наукѣ права», сдѣлалъ это въ далеко недостаточной степени, благодаря чему его изложеніе и проповѣдь ученій Петражицкаго приобрѣли нѣсколько догматическій характеръ и проиграли въ убѣдительности.

Наиболѣе цѣннымъ и самостоятельнымъ въ книгѣ Лазерсона является очень интересная разработка вопроса объ «интуитивномъ» правѣ, которое Петражицкій предложилъ поставить на мѣсто стараго естественнаго права. Дополняя и существенно исправляя въ этомъ пунктѣ своего учителя, который въ согласіи со своими индивидуалистически-психологическими предпосылками, сводитъ все интуитивное право къ непосредственному сознанію права отдѣльными лицами, Лазерсонъ различаетъ между «индивидуально-измѣнимымъ» и «общественно-приспособленнымъ» интуитивнымъ правомъ. Рѣшающую роль въ правовой жизни Лазерсонъ признаетъ лишь за «общественно-приспособленнымъ» интуитивнымъ правомъ. Привѣтствуя это весьма существенное измѣненіе концепцій Петражицкаго, нельзя не отмѣтить, что оно, по существу, выходитъ за предѣлы его ученія.

«Общественно - приспособленное» интуитивное право врядъ ли можетъ быть признано чисто «автономнымъ» правомъ и къ тому же предполагать нѣчто явно большее, чѣмъ отдѣльныя индивидуальнопсихическія переживанія. Оно опирается на реальность **соціального цѣлаго** и констатируетъ его нормативный авторитетъ. По существу, вмѣсто противопоставленія Петражицкаго между «интуитивнымъ»

(автономнымъ) и «позитивнымъ» (гетерономнымъ) правомъ, должно было бы получиться дѣленіе внутри самого положительнаго права на «формальное» и «интуитивное» право по различію способовъ его констатированія: путемъ непосредственнаго общественнаго сознанія или путемъ формально-техническихъ процедуръ.

Проф. Лазерсонъ не учитываетъ въ этомъ вопросѣ результатовъ новѣйшихъ французскихъ работъ, устанавливающихъ двойной рядъ источниковъ положительнаго права и вносящихъ новый свѣтъ въ проблему интуитивнаго права. (Рѣчь идетъ, въ частности, о Жени, съ его противопоставленіемъ «*donnés*» и «*construit*» въ правѣ, о Гориу съ его ученіемъ объ «институцій» и способахъ ея выраженія, о Дюги послѣднихъ лѣтъ, съ его разграниченіемъ между «нормативными» (интуитивными) и «конструктивными» (формально констатированными) юридическими правами). А между тѣмъ, эти результаты могли бы имѣть существенное значеніе для построенія автора. Зато очень интересны въ книгѣ Лазерсона хорошо продуманный очеркъ исторіи ученій объ естественномъ правѣ.

Изъ другихъ частей курса проф. Лазерсона ему болѣе всего удалось краткая, но отчетливая характеристика отдѣльныхъ дисциплинъ положительнаго права. Въ частности нельзя не привѣтствовать отъказа, хотя только частичнаго и недостаточно рѣшительнаго, отъ взгляда проф. Петражицкаго на международное право, какъ на область децентрализующей, частно-правовой регулировки. Учитывая современное развитіе международно-правовыхъ организацій, Лазерсонъ признаетъ переходъ международнаго права на «соціально-служебную», публично-правовую базу. Собственно говоря, международное право всегда носило этотъ характеръ, ибо, занимая высшее мѣсто въ іерархіи правовыхъ порядковъ, оно могло проявлять себя, какъ настоящее право, т. е. какъ порядокъ обязательный для отдѣльныхъ государствъ помимо ихъ воли, лишь постольку оно находило критерій своего регулированія въ служеніи международному общенію, какъ реальному цѣлому. — Другой вопросъ, можно ли огульно отождествлять право соціального служенія съ правомъ публичнымъ, которое лишь въ извѣстныхъ случаяхъ представляетъ одну изъ его разновидностей и не заключается ли въ подобномъ отождествленіи смѣшенія матеріальнаго дѣленія (по различію структуръ) на право соціальное и индивидуальное, съ формальнымъ дѣленіемъ на право публичное и частное, которое зависитъ отъ государства. Въ теоріи Петражицкаго были заложены элементы для преодоленія этого смѣшенія, но они остались неиспользованы Лазерсономъ.

Нѣкоторыя существенныя возраженія вызываетъ первая, методологическая глава рецензируемой книги. Наряду съ болѣе или мене владными характеристиками и критиками «нормативизма», «догматическаго позитивизма» и историческаго матеріализма, авторъ довольно односторонне истолковываетъ позицію Петражицкаго какъ «психологическій позитивизмъ». Лазерсонъ не замѣчаетъ, что «психологія» Петражицкаго имѣетъ смысловой, а не генетическій характеръ; онъ

не видитъ глубокаго родства, объединяющаго метафизически устремленный эмоционализмъ Петражицкаго съ феноменологически обоснованнымъ эмоционализмомъ Макса Шелера, родства, которое подвергается общимъ происхожденіемъ этихъ двухъ мыслителей изъ «аустрійской психологической» школы Франца Brentano. Между тѣмъ, именно благодаря «интенціонализму» и метафизическому характеру своей эмоциональной психологіи Петражицкій, несмотря на свою призерженность логикѣ Милля, приходитъ, вопреки всѣмъ остальнымъ позитивистамъ, къ различію между технически-цѣлевой и нормативной мотивацией и строить свое ученіе, по существу, на чистомъ правовомъ сознаниіи...

Вообще, проф. Лазерсонъ не учелъ значенія феноменологическаго направленія въ философіи права, которое онъ (на основанія двухъ случайныхъ работъ учениковъ Кельзена, по недоразумѣнію выдавшихъ себя за феноменологовъ) характеризуетъ, какъ разновидность «нормативизма». Между тѣмъ, дѣйствительно феноменологическое направленіе въ философіи права и социологіи (представляемое младшимъ Гуссерлемъ, Литтомъ, Шелеромъ и мн. др.) послужило основой именно для той онтологической реакціи противъ нормативизма, о которой упоминаетъ самъ Лазерсонъ (называя работы Смента и его школы); всѣ представители этого новаго теченія, какъ они сами подчеркиваютъ, и на что повидимому не обратилъ вниманія Лазерсонъ, методологически исходятъ изъ феноменологической социологіи Литта, Шелера и др.

Впрочемъ, самъ Лазерсонъ оговариваетъ, что онъ былъ лишень возможности въ своей книгѣ «углубиться въ философію права, которая одна можетъ дать исчерпывающій отвѣтъ на проблему познанія права». И нужно признать, что въ предѣлахъ поставленныхъ себѣ рамокъ Лазерсонъ написалъ очень содержательное и полезное руководство, значеніе котораго отнюдь не умаляется тѣми философскими сомнѣніями, которыя мы здѣсь высказываемъ.

Авторъ сумѣлъ сдѣлать доступнымъ для болѣе широкой публики рядъ очень сложныхъ вопросовъ теоріи права, и его незаурядный педагогическій талантъ, въ частности, ясно сказался въ цѣнномъ техническомъ повествѣ книги: въ удачно составленномъ спискѣ вопросовъ и темъ для практическихъ занятій по теоріи права. Надо пожелать автору широкаго распространенія его книги, а также скорого выхода въ свѣтъ, давно имъ подготовляемаго, обширнаго труда объ интуитивномъ и естественномъ правѣ, который обѣщаетъ быть очень интереснымъ.

Г. Д. Гурвичъ.